

придают, используют «технику верлибра на русском материале, из глубины русской традиции» — «плоть от плоти русской литературы», яркие поэты Дмитрий Данилов, Игорь Караулов, Юрий Смирнов. Отмечено уже, что у Караулова и, особенно у Смирнова в представленных подборках регулярный стих встречается наряду с верлибром, составителю это, видимо, не важно. Важно ему «национальное звучание», но и оно, при всех возможных натяжках, проявляется — а точнее, преломляется — в немногих текстах трёх авторов, причём в случае Данилова и даже Смирнова речь должна идти лишь о тематизации, в случае же Караулова говорить приходится об особой фигуре лирического субъекта, сконструированного вокруг специфического мизантропического острашения. Лирические медитации Данилова, поэтические притчи Караулова, лироэпический фантастический гротеск Смирнов никак не укладываются в идеологическую схему составителя — поэтому сам сборник, вне концептуализирующей рамки, вполне достоин внимания.

Поезд несётся дальше / В жёлтом и розовом свете / В сознании машиниста / Вдруг всплывает мысль / Что ему почему-то всегда очень нравился / Длинный перегон / Между «Перово» и «Шоссе Энтузиастов» / Едешь себе, едешь / Думаешь о своём / И ещё подумалось: немного жаль / Что теперь уже не придёт к нему / Приезжать на конечную станцию «Третьяковская» / И громкоговоритель не будет объявлять / Станция «Третьяковская», конечная / Переход на Калужско-Рижскую линию / И станцию «Новокузнецкая» / Поезд дальше не пойдёт / Просьба выйти из вагонов / Почему-то нравился этот момент / Не очень понятно, чем именно / И вот теперь этого уже не будет // Ну и ладно // Машинист закрывает несуществующие глаза / И ему становится теперь уже / Окончательно хорошо (Дмитрий Данилов)

Первым делом были самолёты. / И вторым тоже самолёты. / Третьим, для разно-

образия, драгметаллы. / А потом опять самолёты. // Тридцать третьим делом было хищение / четырёх вагонов цветной капусты. / И опять самолёты и самолёты. В профессии важна специализация. // Открываешь дело № 1275-ПЦ/86 — там самолёты. / Дело № 3798-ХЦ/93 достаёшь с полки — / и там самолёты тоже. // А как же девушки? Когда же начнутся девушки? / Этот сакраментальный вопрос / каждое утро / стучится мне в голову, / как непутёвый сосед (Игорь Караулов)

То чего ты боялся / оказывается быстро и вовсе не больно / или вообще отменяется // но как же мучительно то / о чём ты даже / не подозревал // Наши отношения это / уверенность в двух вещах: / существует город / и существует боль // Подробности непредсказуемы / неважны да и / невыразимы (Юрий Смирнов)

Данила Давыдов

Алёна Рычкова-Закаблукская. Птица сороказим: Книга стихотворений Иркутск: Издательская серия «Переплёт», 2019. — 108 с.

Вторая книга иркутской поэтессы, вышедшая через 4 года после первой. Лирическое повествование полно мелких бытовых деталей, специфичных для сибирского мировидения, иногда включённых в контекст мировой культуры, иногда трогательных на личном уровне.

у елани берега́ в тумане / рыба спит в заснеженной десне / семечком сосны на ближнем плане / женская фигура в полусне / отрясает белые ранеты / урожая яблок нынче ждёт / огородов зубьями воздеты / облака роняют в огород

Дарья Суховой

Пётр Смирнов. Будуинские холмы: Полная версия книги стихов и другие тексты 1980-1990-х годов

Подг. т-тов А. Ерёмченко, сост. и комм. С. Кудрявцева. — М.: Гилея, 2019. — 344 с.

Наивная поэзия, в отличие от наивной живописи, остаётся почти «незамеченной землёй». Пётр Смирнов — счастливое исключение. Его книжка, вышедшая в 1993 году в издательстве «Гилея», произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Поражал нечеловеческий синтаксис этих стихов и обилие причудливых неологизмов, иногда мнимых, возникающих в сознании читающего благодаря безумной авторской орфографии. Факт выхода в «Гилее» встраивал автора в традицию радикального русского поэтического авангарда — Кручёных, Терентьев, Введенский... Послесловие Ерёменко включало его в актуальный литературный процесс. И вот через 26 лет новая, теперь посмертная книга. В том же издательстве. И название то же — «Будуинские холмы». И всё та же статья Ерёменко, только на этот раз помещённая в начало. Но объём существенно вырос: было 48 страниц, стало 344. Было 23 стихотворения, стало 69, и, сверх того, обширные фрагменты стихотворной «Сказки», занимающие вторую половину книги. Вырос и тираж — 300 экземпляров против прежних 150. Большая часть текстов, за вычетом стихов из первой книжки, публикуется впервые. Книга снабжена комментариями составителя и, в приложениях, заметками Д. Кузьмина, В. Тучкова и Д. Давыдова. Не потускнели ли стихи Петра Смирнова сейчас, в новые времена, когда деформацией орфографии никого не удивишь, поскольку таковая стала общим местом и ассоциируется уже не со Зданевичем и Сигеем (также напечатанными «Гилеей»), а с массовой интернет-культурой — сайтами «падонкафф», «олбанском йезыком», «превед-медведем» и т.п.? Сохраняется ли ощущение уникальности этого поэта-примитивиста, когда на одном только сайте Стихи.ру самостоятельно публикуются более 800 тысяч авторов, чьи творения по большей части примитивны в хорошем или дурном смысле слова? Есть ли смысл читать 344 страницы тому, кто когда-то прочи-

тал 48? Не ослабит ли впечатление? Отличается ли поэтика гигантской «Сказки» (представленной нам фрагментарно) от поэтики стихотворений того же автора или это примерно то же самое? На все эти вопросы предстоит ответить читателю. Скажу одно: я не разочарован.

Вахрам честилец наменя / Старик над-миром посидел

Герман Лукомников

Подозреваю, что есть (или, по крайней мере, должны быть) литературы, где нет примитивизма. Потому что если рассуждать системно, отграничивая примитивизм от графомании (порождение текста, обречённое на заведомо неудачный результат) и, с другой стороны, отграничивая тот же примитивизм от (нео)авангарда (порождение текста, нацеленное на заведомо неудачный результат), а также от практик бытования текстов при более сложных художественных объектах, где текст выполняет орнаментальную или изобразительно-визуальную или музыкально-шумовую функции, то есть неважен в процессе осмысления/потребления художественного целого, — то примитивизм возможен на фоне наличия единственной заостренной формальной основы, каркаса канона — типа ямба, катрена, соответствующего высокой поэзии словаря (кони, свечи, соловьи там всякие в качестве атрибутики — это всё же мистика XIX века, знаки, указующие на поэтическую речь). Только на фоне сложившегося канона возможен эксперимент, на который решается одинокобредущий примитивист Пётр Смирнов (1948–2000-е), в 80-90-е годы XX века, до моды на олбанский язык и прочие локальные орфографические и стилиобразующие отклонения, постепенно захватившие общее пространство поэтического письма. Большой том, собравший практически всё сохранённое наследие поэта и вышедший в «Гилее» сейчас, воспоследовал за тонень-

кой брошюрой, появившейся — с предисловием Александра Ерёмченко — четверть века назад, в 1993 году. Ерёмченко воспринимает Смирнова через «поэтскую» призму: дезавуирование искусственным поэтом собственной установки на грамматический (ну, скажем так, «безграмотный», «дурно-стильный») эксперимент при виде практики другого поэта, который более чем вольно обращается с орфографией и грамматикой. В коротком отзыве на первую книгу, помещённом теперь во второй, Дмитрий Кузьмин намекает на некоторую системность и продуманность этого «вольного обращения»; действительно, из способа записи ярятся новые, дополнительные смыслы. В то же время, Ерёмченко с метареалистическим письмом по своей оптике находится достаточно близко к канону, а системность можно углядеть только с более удалённой точки наблюдения. Примерно половину объёма составляют стихотворения, вторая часть — видимо, не оконченная автором «Сказка», полная, даже в сюжетно вводных фрагментах, более отчётливых отсылок к вышеозначенному канону, чем любое отдельно взятое стихотворение.

Страна искусства мне знакома / Видал я всякова пифона / И камень светочь у бровей / Велеколепен как арфей // И тех услад ево хранилище / Што побокам они ламились / Апуще мне тебе сказать / Коль будеш дома рассказать // Давноли была сетих лет / Так слуша-й> сказ / На старость лет / Тебе открою я секрет.

Дарья Суховой

Современный русский свободный стих. Антология по материалам Фестивалей свободного стиха (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тверь) с 1990 по 2018 г.

Сост. А. Орлицкая, Ю. Орлицкий; предисл. Ю. Орлицкого, послесл. А. Орлицкой. — М.: Российский союз профессиональных литераторов, 2019. Т. 1: 228 с.; т. 2: 228 с.

Фестивали свободного стиха, проводившиеся Юрием Орлицким с 1990 года, стали неизменной приметой российского поэтического ландшафта. Множество выдающихся авторов приняли в них участие, и на ранней стадии этот проект сыграл не последнюю роль в легитимации верлибра в русском литературном сознании. Позднее, когда вменяемой частью литературного сообщества экспансия верлибра стала рассматриваться как свершившийся факт, ни в какой дальнейшей легитимации не нуждающийся, миссия фестиваля несколько поблёкла, однако упорство куратора, продолжавшего ежегодно его проводить, выглядело оправданным если не синхронно, то в диахронии: возможность проследить некоторую форму в непрерывном развитии на протяжении нескольких десятилетий уникальна не только в стиховедческом, но и в историко-культурном аспекте. В этом смысле появление такой антологии как материальной фиксации длительного включённого наблюдения давно ожидалось. Именно с этими ожиданиями связано главное разочарование от двухтомника: авторы в нём расположены не по хронологии, а по алфавиту. Безусловно, конструкция издания, при которой определённый корпус стихотворений (пусть с повтором авторов в разных местах) предстательствовал бы за каждый из почти трёх десятков фестивалей, была бы намного предпочтительнее, — даже при условии, что для ранних фестивалей точно установить, какие именно тексты на них звучали, уже невозможно (но возможно установить, кто из авторов участвовал, и выбрать у них стихи нужного времени). В настоящем же издании стихи поэтов, умерших в 1990-ые, соседствуют со стихами поэтов, которые в 1990-ые родились, а у авторов, благополучно работавших в литературе всё это время, большинство опубликованных текстов не датированы, — тем самым вопрос о том, что же произошло с русским верлибром за почти 30 лет, снимается сам собой. Если вынести этот аспект за скобки, то двухтомник